
«ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ВЛАСТЬ, СИСТЕМА, СТРУКТУРА, ДЕЙСТВИЕ».
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Вопросы философии. 2018. № 12. С. 69 – 72

Власть как предмет социально-философской рефлексии*

В.В. Миронов

В статье анализируются отношения философа и власти. Размышления о природе власти и идеологии всегда находились в центре философского внимания. Человек становится «существом политическим», как только он начинает функционировать в качестве субъекта общественной жизни. И потому сфера политической деятельности, так или иначе, но неизменно оказывается в поле философских исследований. Но при этом, подчеркивается в статье, политическая деятельность является именно объектом философского исследования, а сам философ должен быть дистанцирован от власти. Эта по самой своей сути двойственная позиция порождает проблему взаимоотношений философии и власти в целом, что обнаруживается в конфликте между философской позицией мыслителя, стремящегося к свободному мышлению, и его вовлеченностью в конкретную идеологическую ситуацию, которая всегда оказывается концентрированным выражением интереса власти. Поэтому, когда философ, соблазнившись близостью к политике, становится идеологом, он рискует оказаться только средством для достижения целей. Автор полагает, что у каждого индивида существует личная грань того, насколько далеко его альянс с политической властью может зайти, так что философ может быть свободным внутри тоталитаризма и несвободным при демократии. Но философ, размышляющий о власти и идеологии, должен при этом рефлексивно контролировать дистанцию по отношению к этим сферам деятельности, избегая тем самым смешения теоретических рассуждений с возможной политической позицией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Х. Арндт, власть, общество, философия.

МИРОНОВ Владимир Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой онтологии и теории познания.

vlamironov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13 июня 2018 г.

Цитирование: *Миронов В.В.* Власть как предмет социально-философской рефлексии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 69–72.

Рефлексия над наиболее актуальными, ключевыми понятиями социальной философии представляется сегодня особенно важной, прежде всего, потому, что социальный теоретик оказывается перед методологически неоднозначным выбором: должен ли он менять понятийный язык описаний (в том числе и язык самоописаний) общества, а также семантику фундаментальных понятий социальной теории вслед за трансформациями различного рода подсистем этого общества? Ведь, с одной стороны, именно этого следовало бы ожидать, поскольку науки о социальном трактуются ныне как часть социальной системы, а значит, и как часть самого эволюционирующего общества. Причем в этом качестве им приходится

*Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформация культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление.

© Миронов В.В., 2018 г.

реагировать не только на эволюцию и динамику внешнего мира и объекта, т.е. общества, но и на внутренние потребности в самообновлении языка и семантики социальной теории. С другой стороны, с точки зрения методологической традиции науки именно та теория является «хорошей», которая может изначально учитывать и теоретически предсказывать ранее ненаблюдаемые и неожиданные факты и векторы развития объекта, а не реагировать путем *ad hoc* обновлений на прежде не наблюдавшиеся социальные феномены. Поэтому особенно интересно сегодня поразмышлять над тем, как вслед за развитием общества менялось (или же, наоборот, сохраняло инвариантность) содержание фундаментальных понятий социальной теории и социальной философии. Иными словами, это вопрос о том, насколько социальная теория и сам социальный теоретик вовлечены в динамику общественных коммуникаций, системы власти (господства), направленности политики, самоидентификации индивида и пр.

В этом контексте хотелось бы выяснить, составляют ли понятия социальной науки и философии некую полную и непротиворечивую научную систему, а именно такую, которая понималась бы не как множество ситуативно-интегрированных понятий, а как система взаимно когерентных высказываний, достаточных для комплексного описания всех подсистем современного общества в их динамике. Мы задаемся вопросом о том, может ли означенная комплексность сочетаться с непротиворечивостью как с точки зрения внутренней консистентности положений социальной теории, так и с точки зрения ее соответствия социальной эмпирии? Должны ли мы при этом стремиться сохранять понятийную ясность, простоту и элегантность социальной теории даже при наличии противоречий, апеллируя к тому, что теория описывает абстрактную модель, а не само общество как таковое? Надо ли, например, сохранять формационную теорию вопреки наличию очевидных противоречий с социальной реальностью? Можно ли элиминировать из нее некоторые положения, модернизировать и оснащать ее новым понятийным аппаратом? Или же такое *ad hoc* обновление несовместимо с правилами научного дискурса, требующего представлять гипотезы, допускающие фальсификацию и научную критику? Может быть, следует усложнять язык и структуру теории, отказываясь от хорошо работавших понятий или менять их семантику, чтобы сохранить абсолютную верность социальной эмпирии? Обратной стороной этой проблемы является вопрос о том, насколько сам социальный философ оказывается вовлеченным в политические интересы властных систем, определяющих социальную жизнь своего времени.

Философия в контексте данного вопроса является ключевой формой рефлексии. Подвергая критике тот или иной вариант проявления власти, философ предлагает собственную конструкцию, которая, в свою очередь, становится средством подавления или подчинения других, что вытекает из сущности власти как таковой. Именно это притягивает философа к власти, зачастую в качестве участника ее реализации. И здесь его часто поджидает ловушка. Посвятившая этой теме много внимания Х. Арндт отмечала, что философ, демонстративно отворачиваясь от политического, дабы его исследование могло претендовать на объективность, тем не менее предлагает затем использовать полученные им знания, но при этом «объективность» исследования деформируется его неизбежной политической заданностью [Arndt 2002, 23–24]. Более того, в ряде случаев философ начинает рассматривать близость к власти в качестве возможности реализации собственных идей. Причем таким философам часто становится близка именно тираническая власть, ибо она рассматривается как более быстрое и эффективное средство продвижения идей, без, казалось бы, ненужных демократических форм обсуждения и дискуссий. Но при этом философ неизбежно становится средством реализации амбиций правителя, превращается в идеолога, вынужденного не только подчинить свои рассуждения запросам власти, но и, так сказать, «полюбить» ее, а следовательно, «полюбить» и того правителя, который в данный момент оказывается воплощением (олицетворением) власти. Причем в такого рода ситуациях обычно не тиран выступает в качестве средства достижения высоких целей философа, а, напротив, философ оказывается пособником тирана, цели которого зачастую весьма отличны от сформулированных философом идеалов. Разрыв «близости» с властью

(если это вообще удастся) тяжел и довольно часто может трагически заканчиваться для мыслителей. Кстати говоря, и тиран зачастую оказывается в ситуации, когда даже при личной симпатии, например, к «придворному» философу, будет поступать, исходя из политической целесообразности.

Если говорить о философии в целом, то, с одной стороны, она «воспроизводит доминирующие смыслы культуры» и в этом плане задает общие культурные традиции и выступает рефлексивным инструментом их сохранения («душа культуры»). Она обеспечивает стабильность культуры, благодаря интеллектуальным усилиям, направленным, по выражению В.С. Стёпина, на сохранение «канонизированных стилей мышления и традиций». Причем эта ее функция реализуется в некоем идеальном мире, через построение идеализированных концептов, весьма опосредованно связанных с реальностью. Вместе с тем в своих размышлениях философия всегда стремится разорвать рамки доминирующей модели культуры, вписать в культуру новые явления и тенденции. Это главное условие развития философии. И этот аспект деятельности философа очевидным образом не может не отразиться на его судьбе как индивида, как личности. Однако, замечу, философы всегда «неудобны» для власти, будь то государство демократическое или, напротив, тоталитарное, так как они могут и сохранять, и подвергать сомнению ценностную систему, доминирующую в том или ином обществе, только оставаясь внутренне свободными. Философ свободен одновременно и как хранитель культурных традиций, и как их разрушитель, подвергающий устоявшиеся ценностные установки анализу и критике, между тем как любая власть направлена на подчинение своим целям Другого и Других. Вступив в союз с властью, философ подчиняется ее целям и задачам, и его самостоятельные изыскания становятся приемлемыми, только если они совпадают с этими целями. И здесь возникает проблема ответственности мыслителя за те идеи, которые он «вбрасывает» в мир. Ибо философу не дано определить, что станет более действенным в сознании людей: его фундаментальные рефлексии или речи, или даже индивидуальные беседы.

Замечу, что все приведенные выше общие рассуждения реально осуществляются на наших глазах усилиями российских философов. И многие из нас в этом участвуют. И многие интуитивно ощущают тонкую грань, за которую философ не может переступить в альянсе с политической властью. Я думаю, это индивидуальный выбор. Я знаю как людей, которые перестали быть философами, так и тех, которые устояли. И я думаю, что этот опыт требует философского осмысления.

Одним из первых М. Вебер жестко разделил теоретиков, претендующих на научность, и тех, кто претендует на понимание со стороны вождей. Однако возникает вопрос: может ли такого рода специфическое отношение философа к власти послужить маркером научности, в нашем случае субъектности и свободы философии? Интересен и другой вопрос, который задают в этой связи. Мы можем объяснить взаимоотношения философа и власти культурной ситуацией, так сказать, объективировать эти взаимоотношения. Насколько такие ситуации зависят от личных качеств человека? Эти взаимоотношения зависят от конкретной культуры, конкретного языка и образования человека. Но, в конце концов, выбирает индивид.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 12. P. 69–72

Power as a Subject of Social Philosophical Reflection

Vladimir V. Mironov

Reflections on the nature of power and ideology have always been at the center of philosophical attention. A person becomes a «zoon politikon» as soon as he begins to function as a subject of social life. And therefore, the sphere of political activity, one way or another, invariably appears in the field of philosophical research. But at the same time, the author emphasizes that political activity is precisely the object of philosophical research, and the

philosopher himself must be distanced from power. This, by its very nature, ambivalent position, gives rise to the problem of the interrelationships of philosophy and power in general, which is revealed in the conflict between the philosophical position of a philosopher seeking free thinking and his involvement in a particular ideological situation, which always turns out to be a concentrated expression of the interest of the dominant power structures. Therefore, when a philosopher, tempted by his closeness to politics, becomes an ideologist, he risks being only a means to achieve the goals of the power structures. The author believes that everyone has a personal limit of how far his alliance with political power can go, and therefore a philosopher can remain free within any totalitarian system and not free in a democracy. But a philosopher who reflects on power and ideology should, at the same time, reflexively control the distance in relation to these spheres of activity, thus avoiding confusion of his theoretical arguments with his possible political position.

KEY WORDS: Hannah Arendt, power, society, philosophy.

MIRONOV Vladimir V. – DSc in Philosophy, Professor, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dean of Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

vlamironov@yandex.ru

Received at June 13, 2018.

Citation: Mironov, Vladimir V. (2018) ‘Power as a Subject of Social Philosophical Reflection’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018), pp. 69–72.

DOI: 10.31857/S004287440002585-8

References

Arendt, Hannah (2002) *Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I*, Piper, München, Zürich.